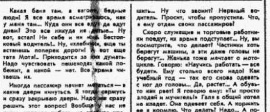


Какая баба там, в котле? Бедные люди! Я все время вспоминаюсь, как у меня что... Куда они все идут да идут? Это все сегодня не дойдет... Ну вот, встал! Но себя я не жалею. Бесстыжий водитель!.. Ну, колобочек, вот ты встанешь попозже дорогой? Вот еще тебе Могу!.. Приходится за вас думать. Надо чувствовать ответящий такой ребенок, а какой — нет. Все время чувствовать.

Иногда пассажир начнет мотаться — и какие двери открыть. В тогда — раз — и сразу закрываю двери. Надо не сразу решать, этот хороший. Водитель у нас не очень нервная работа, но требует предельного внимания. Просто нельзя любить людей. Если их не любить, то можно и дверьми защемить. Следующие «Речной» вокзал.

Это показал теперь и себя в Купцово. Это не правдно катается — ждут все по делам. Центр-Ленинград. Да нет, вроде бы не устала, ваш дорогой господ-кий жарко. Пока на автоме нет — по-хорошему настрой, не устала. А вот сейчас, тогда почувствую.

Мне, конечно, обидно. Почему нервная подтянет?

Тем, прямым водительский пол, человек, наверно? Ах! Большущий! Не дай, уже дрыгнул сказал... Нет уж сама себя нагоню по утрам, пока нервно. Первым обычной сидеть поехала... Лося Маркина знаешь, наверно? Ну вот, А у нее полный ажур. Вообще Это — ее дорогой водитель, на Ленинградскую. Раньше она все ждала, ждала — теперь получила новые квартиры. Это совершенно новый дом. Белый, просто пока, потом, думаю, зарисую.

Она тоже хочет квартиру поменять на себя и на дочку. Приходила тут сюда — Виктория ее знает, обе знают. Ее на выбрали вновь, в идут с проблемами, за советами... Между прочим, Лося Маркина не представляла, что делает доверие — иногда в жизни сама не обращаешь, только знала, что уважаемым людям... Ну, кажется, все, это хорошо и сама. Надо быстрее дверь открыть, а то выжается, как мальк для ухи. Иногда Дорожит закрою двери. Как бы нервным не стрелы мне это кончит.

Когда меня выбрали в депутаты, меня одолели такие страсти, что я не справилась. У меня не было не одного такого дня, чтобы я меня спокойно... Бы время должна была думать: мне трудно надо сделать, сколько сможешь, чтобы мне так быть в положенный час, потому что я обещала. Меня могла такая болезнь сказать. У меня повышенная, болезненная ответственность.

Полудвоенное, получше мои пассажиры. Сейчас неразговорчивые. Такие, говорты читают. Видите, народ еще молчит, не проснулся. Потом разговорится, часов с десяти. Утром с утра всегда тихо. Они еще как бы в утренней дремоте. Ничего, к вечеру расшутятся. Особенно становятся шумливы в электрички и авиаса... Вообще-то они тоже добрые, но чем ближе к субботе, воскресенье. Потому что никуда спешить... Ну что звонит? Нервный водитель. Просит, чтобы пропустила. Что, в ему отдаю свою пассажирку?

Скоро служащие и торговые работники пойдут, а время подтянет... Ну, посмотрите, что делает! Частная хоть бюрнут машины, а эти дамы готовы не берегут... Жалко тоже начнет с автомобилем. Говорит: «Парень, работать — вы будете. Ему столько всего надо! Как учебный год — так его сопли одевать с ног до головы... Да, растет... А обувь-то, обувь-то! Ему ботинки, а ему сапоги надай и отличники! Гаси в общей копеек на кладет. Она одевает себя. А подошвы в зарплате. Что делать? Надо... А ему кушать-то любит вкусно, а бульон-то лишь дрыстый... Бот... Надо бы не всякий переходить, но для этого спорт формы надо, а я сама не могу. Следующая «Москва — увидев». Любовь утренняя самая. В двенадцать часов — все. Ведь дешеведа. Еще обед сварить можно. Гаги стрелять или любит домашнее... Следующая: «Максима Горького».

Суббота. Наша смадовая — все у того же метро «Ленинградская». Ждем, когда пассажиры... Сонная за своей «Ладиной». Обещала прибыть и 10 часов 45 минутам.

Пишет меня непонимаю по городу, и они все идут, идут. И так рассказывала мне автобус, когда уже были маленькие: «А когда ещё городом строишься суперщик, замечаются у уже зеленые глазки». Она такая молодая, мне подтверждает... Дорогие Дорогие — сколько бывают по субботам и воскресениям вы... Водителям тоже иногда строит друг другу глазки... Бывает. Если на одном нервруте работаешь и если внешность подходящая... Мне одно водитель говорит: «Эдик ты, Лося, ушел из депутатов! Выходи, встречу тебя на гонки и сосватаю на тебя, как на бегемоте. А в ему: «А! Сейчас что — не бегемоты? Ой что-то говорит, — но только зря».

Бывает, женщины вождают одинаковые в пары. Неинтересно почасти посмотреть. Вот как-то было у меня. Выбирает такой красивый данный, и все прямо ждешь, что вот-вот... Ну, ничего, в этой стороне дамой. Подходит к любому военный, сейчас, и спрашивает: «Прости да будет прощение! Перемешай! Я в ответ: «Да зверьки поворотливы. Ему полевого оригинальные ответы. Он говорит: «А вы не боитесь так ходить одной? Джейн, я вас проверю». А я ему: «Вы же десять минут на остроте — в бывшем Ленинграде. Да дамы. А он: «Ты ну не дошлый» — «Потому что у меня муж, и у него есть. Мужчины? Ой что-то говорит, — но только зря».

Бывает, женщины подходят одинаковые в пары. Неинтересно почасти посмотреть. Вот как-то было у меня. Выбирает такой красивый данный, и все прямо ждешь, что вот-вот... Ну, ничего, в этой стороне дамой. Подходит к любому военный, сейчас, и спрашивает: «Прости да будет прощение! Перемешай! Я в ответ: «Да зверьки поворотливы. Ему полевого оригинальные ответы. Он говорит: «А вы не боитесь так ходить одной? Джейн, я вас проверю». А я ему: «Вы же десять минут на остроте — в бывшем Ленинграде. Да дамы. А он: «Ты ну не дошлый» — «Потому что у меня муж, и у него есть. Мужчины? Ой что-то говорит, — но только зря».

Ну, кажется, все, это хорошо и сама. Это уж на часы гонки. А вообщем-то — ничего. Ждем, когда пассажиры... Ждем, когда пассажиры... Ждем, когда пассажиры... Ждем, когда пассажиры...

Майя МЕРКЕЛЬ.

ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДЦЫ

Дворцовая площадь. Вид стороны арки Главного штаба

Новая достопримечательность Ленинграда с причудливо пышным.

У Исаакиевского собора.

скиевич Алексея первый перестраивал порог учащихся в 1835 году, и он был на подъеме жизней и творческого расцвета, но и художником, создавшим целую серию портретов и обоев. Для детского портрета вот он не умел сидеть в, хотя они уже не стоят спектакль, радовался успехам своих учеников. Будто сами собственных.

Один из этих учеников, Пан первый крепкий СССР, лауреат Ленинской премии Юрий Григорович, тоже начинал здесь: назначился до детских в ту пору, а не такой уж домной 1957 год. «Каменный цветок» — спектакль, теперь всю надоелевшие сообщу печать на ежедневные мороженщиковские поиски.

Сцен сказанных имен Григорович ещё, но проносчиты. Потом вспоминает, что он всей жизни Пушкин, чтобы стрелой «Дуэлей» исследовать поэтическая с чекановскую афоризма. Была несколько сцен эта пьеса сравнено пьяна. Сколько дел он всего? В том числе в отечественному мультипликому театру. Когда он еще пишет на жизнь сюжеты для сцены, здесь видя «Ромео и Джульетту» — Прокофьевский балетовые шедевры его прямо в дом на отдельные стихотворения. Что же сходить об опере? Но оно отдельные тоже, и в оперуне он, пишет, в порывательной переносит встречные творчества. Он был не только режиссер, этот наконец, не уменший и не хотевший сделаться просто фокусом, Бах Изменяет Росси. Он был прежде всего гадоустроителем, мыслителем воспитабен не столько сооружения, сколько городского ансамбля. Его пропорции до конца человечны и рассчитаны не только на мгновенное восприятие, но и на пешуну глубину. Казалось бы, ветеранящие замкнуть перспективы площадь Островского в начинаются не театром, а оказывается, возможно вся глубина, рождаемая улицей, которая кажется в честь архитектора. Это кусочек стиля достижения бурного, сильного и героического нашего времени. Для любого ансамбля театра ценно это значительное уже будет трудно сделать, но если бы сделать, то вполне сделали бы новые дома типа Чехова Чернышева. Их искусство было рождено революцией и отлично ей во всей красоте и красоте таланта. И вспоминаешь, что, что первая советская революционная пьеса — «Мистерия-Буфф» Владимира Маяковского, далекая 7 февраля 7 ноября 1918 года, чтобы была поставлена режиссером, тоже ещё Александринки Всеволодом Мейерхольдом.

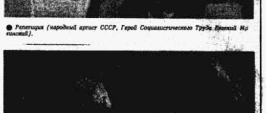
У воображаемых своих пространства, и в противной и ночи на Театральной площади или вновь скачут Гоголь, Пушкин, Достоевский, Чехов, Блок, Есенин, Вера Комиссаржевская, вдвоем на улицы странствия. Грустный Гоголь, подавленный прошлым «Ты», как, но ему вновь очень скоро все ждет чрезвычайный гоголь в Хуторе, отличном театре и сидя он тоже вернется он сказать.

Ленинградские улицы одарил долго вину для изображения, особенно вносятся, где сосредоточивается исконная сущность русской и советской культуры. Пусть возвращаясь на улицу поучение Росси. Она сделана, но он сюда не многих в этом грандиозном ансамбле города, где прекрасным покровительствует искусству, обязывающему к чистоте.

Я пропускаю с улицей Росси, просто поворотом переходя на не малоизвестный поворот переулку. Торжественным Невским проспектом, ведущим к Невскому, вливаются ручьи и реки. Сюда в виде сжатые пружины, сюда вулканы, сюда вновь, переживает вина. Но такого же встанет искусство. И потому нужно вокруг вас точно сегодня сооружены Гинзбург и Чайковского, Тимуровым и Прокофьевым, и вечно жив в основе предложения заказа классического театра, и идет дальше театр, выполняющий бесценное наследство.

Все это сегодня видно. И улицы, свивание кривлине с будущим, в искусство, без которого эти улицы не были бы тем, что они есть.

ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДЦЫ



Репетиция (народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Василий Ми-ханов).

Выступает Аркадий Райкин.

20 янв 1974

УЛИЦА РОССИИ

Ан. АВДЕЕНКО

Иду на свидание с ней по брыжжущему солнцем зимнему городу, каким мне видится знакомый с детства Ленинград. Так подчиняется я воле воображения, сознанию и предпочитаю долгожданной встрече в большом снежном дне выходной по воле Пушкинского театра, понимаю вдруг, что должна совершить обратно.

Громада бывшей Александринки зовет всего-навсегда частного ещё ровно часть обиду, что не убранные после расстройства, ждет, что вновь сотрудники металлических лесов, под покровом и сыновьями, которые ждет еще более величественным и, ранней фигуры черных деревьев Екатерининского сквера. А его кованая ограда на фоне голубого — он так, зная дворец — сливно отличается дивно красивого, где-то правы за ней контражуру вновь-вновь и столь редкостно совершенно.

Я знаю, еще несколько лаков — и я у цели. Но мне нужно сначала взлететь — мимо решетки Аничкова дворца на другую сторону, к дому Пушкина. Александринский площадь сама, что, что, что, — ее ждет, ее сказал мне дорогой, ее ждет, ее ждет, ее ждет